

Бахтиноведение за рубежом

УРОКИ БАХТИНОВЕДЕНИЯ ПО-БРАЗИЛЬСКИ

Г.Л. ТУЛЬЧИНСКИЙ

Публикуемая ниже статья бразильских коллег примечательна и вызывает интерес по ряду причин. Прежде всего, предлагаемый текст посвящен творчеству выдающегося отечественного мыслителя М.М. Бахтина, а также ряда его современников, образовывавших в 20 – 30-е гг. прошлого столетия, как сейчас говорят, «фабрику мысли», идеи которой определили ряд направлений развития гуманитарной мысли. Идеи, концепты, подходы, выработанные авторами «бахтинского круга», являются не только чрезвычайно плодотворными для различных областей гуманитарного знания – от лингвистики и теории литературы до теории коммуникации, психологии, философии культуры и личности. Сфера применения этих идей и подходов все расширяется и расширяется.

Особый интерес эта публикация представляет еще и тем, что в ней описан уникальный опыт изучения российского философского наследия в системе среднего и высшего образования за рубежом. Опыт Бразилии в этом плане, действительно, уникален. Бразильское бахтиноведение одно из наиболее активных в мире. На последнем международном Бахтинском конгрессе, состоявшемся в Италии в 2011 г.¹, бразильская делегация была самой многочисленной из прибывших – более 20 человек. Показательно, что в Бразилии уже несколько лет в средних школах (!!!) читается курс, посвященный кругу идей М.М. Бахтина. Речь идет не только о вроде бы напрашивающемся интересе к таким широко известным бахтинским идеям, как роль диалогизма в формировании и развитии культуры и сознания, роль карнавала и праздничной культуры, но и о педагогическом значении бахтинских идей, о раскрытии роли и значения активного и творческого понимания. Это оказывается важным в развитии новых методик и технологий образовательной коммуникации, языковой подготовки, обеспечении взаимодействия учителя и ученика через изучаемые тексты... И эта тематика оказывается удивительно бахтинской. Прежде всего, потому что самого М.М. Бахтина остро интересовали вопросы формирования сознания и самосознания, роли Другого.

В этом плане публикация бразильских коллег дает убедительный пример того, как можно конструктивно относиться к философскому наследию, как можно преподавать философскую тематику в средней школе. А эта проблема была и остается важной и актуальной для

нашего журнала, неоднократно поднимавшего дискуссию по этой тематике. Думается, что сторонники преподавания философии в средней школе найдут в данной публикации немало аргументов в пользу реализации этой идеи.

Не менее интересна предлагаемая работа и для исследователей кросс-культурного взаимодействия в философии, развития истории идей, их рецепции в иной культурной и языковой среде. В этом плане история рецепции бахтинских идей за рубежом особенно поучительна. Дело даже не в том — почему именно М.М. Бахтин стал титульным представителем и выразителем не только определенного круга идей, но и русскоязычной философии XX в. в целом. Значение М.М. Бахтина заключалась, прежде всего, в том, что он, как философ, впитывал интеллектуальный и духовный контекст окружения и его проблемы. Немаловажную роль сыграли и удачная, нетривиальная терминология, которую он использовал: частное мышление, не-алиби-в-бытии, диалог, хронотоп, карнавализация, смеховая культура... В этом плане М.М. Бахтин оставил целую россыпь таких концептов. Кроме того, в силу особенностей своего трудного профессионального пути, М. Бахтин был вынужден заниматься много чем, оставив соображения по чрезвычайно широкому кругу проблем, причем соображения эти изложены непростым языком, стимулирующим интеллектуальные усилия читателя, интерпретатора, переводчика.

И вот тут начинается самое интересное... Речь идет о феномене «обратной перспективы» рецепции творчества М.М. Бахтина за рубежом. Всемирный интерес к нему пришел после публикации в 1965 г. книги «Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса». Резонанс, вызванный этой книгой, резко и существенно усилил интерес к опубликованной в 1963 г. работе «Проблемы поэтики Достоевского» (переработанного варианта опубликованной в 1929 г. книги «Проблемы творчества Достоевского»). В 1960 — 1970-е гг. М.М. Бахтин воспринимался как автор идей «диалога», «хронотопа», «карнавала», «смеховой культуры», связанной с ними амбивалентности в культуре оппозиций народного низа и официального верха, а также духовного верха и телесного низа. При этом идеи диалога и диалогичности были поняты в духе теории коммуникации, а отнюдь не как метафизика человеческого бытия как «со-бытия».

Сыграло свою роль и то, что рецепция эта осуществлялась преимущественно через чрезвычайно авторитетную в те годы московско-тартускую школу структуральной семиотики. Более того, поскольку эти авторы были фактически единственным кругом отечественных гуманитариев, пользовавшихся заслуженно высоким авторитетом за рубежом, то и там М.М. Бахтин первоначально предстал как автор структуралистской парадигмы, что было только закреплено широким цитированием этих бахтинских идей Ю. Кри-

стейвой и другими представителями французского структурализма. «Бахтин-структуралист» — обстоятельство в высшей степени парадоксальное, что очевидно для любого, кто хоть немного знаком с историей бахтинского творчества, с тем, сколько сил им и его коллегами было потрачено на борьбу с формальным методом и структуральным подходом как таковым!

Не следует забывать и то, что 1960-е гг. были эпохой «оттепели», и пострадавший от сталинского режима М. Бахтин воспринимался как диссидент. А поскольку Московско-Тартуская семиотическая школа в советское время была своего рода отдушиной свободной гуманитарной мысли, а ее представители были яркими выразителями либеральных взглядов, это, в свою очередь, обусловило и политизированное восприятие бахтинских идей диалогичности и Другого в духе либеральной толерантности и мультикультурализма. Со временем подобное поверхностно-некорректное толкование взглядов М.М. Бахтина становилось все более очевидным. Однако обсуждение тематики политико-идеологических последствий неадекватного восприятия М.М. Бахтина как выразителя либеральных идей выходит далеко за рамки данного предисловия.

Только с публикацией раннего текста «К философии поступка» М.М. Бахтин и стал понятен как мыслитель. В главных своих интенциях и интуициях он был, прежде всего, персоналистом. Основными его интересами были философия поступка и метафизика нравственности. Бахтинский дискурс, как и дискурс Ф.М. Достоевского, анализу которого М.М. Бахтин уделил столько внимания, есть дискурс поиска оснований личности. Диалог, смех, жанры речи были средствами и поводами решения этой главной задачи. И главная проблема в таком дискурсе, при всей его диалогичности, не деконструкция, а проблема конструкции самосознания личности.

Однако за рубежом пока еще продолжают сказываться последствия отмеченной выше «обратной перспективы» рецепции бахтинского творчества, когда его предыдущие работы воспринимаются через призму последующих. Обстоятельства эти усугубились именно обратным порядком появления бахтинских работ в зарубежных переводах. Поэтому в сложившемся зарубежном корпусе работ по бахтиноведению его главный персонаж предстал адептом структуралистского либерализма, что, в свою очередь, немало поспособствовало легкой адаптации бахтинских идей в идеологический контекст эпохи конца прошлого столетия.

В результате зарубежным бахтиноведением практически не учитывается ряд важнейших источников идей и концепций самого М. Бахтина и его соратников. Это теория знаковых систем, альтернативная как семиологии, восходящей к структурализму Ф. де Соссюра, так и семиотике, восходящей к американскому прагматизму и логике

отношений Ч.С. Пирса. Речь идет о традиции, восходящей к В. Гумбольдту, В. Вундту, В. Фосслеру, А. Марти, продолженной в России А.А. Потебней. В отечественной литературе эта традиция получила название «глубокой семиотики», потому что она основана на принципиальной роли личности как источнике, средстве и результате смыслообразования и осмысления. К этой традиции (с учетом всех различий философских позиций и сфер деятельности) принадлежали П.А. Флоренский, Г.Г. Шпет, С.И. Булгаков, А.Ф. Лосев, Д.Ф. Егоров, Н.Н. Лузин, О.Э. Мандельштам... К ней же принадлежал и М.М. Бахтин. Немаловажно и то, что на взглядах большинства перечисленных (титulyных для отечественной культуры) мыслителей существеннейшим образом сказалось осмысление духовного опыта православного исихазма, ярко выразившегося в вызвавшем немалый резонанс в предреволюционной России движении «имяславия», восходящего к неоплатонизму и паламизму. Вся эта глубокая традиция достаточно чужда западноевропейским и американским гуманитариям. Поэтому недавние публикации ранних работ М.М. Бахтина оказались за рубежом, в лучшем случае, неверно понятыми, а то и просто вызвали отторжение. Более того, за рубежом уже нередко можно столкнуться с непониманием — зачем, мол, переводить уточненные бахтинские тексты — ведь сложилась обширная англоязычная бахтинская литература, и что именно в английских переводах и представлен «настоящий Бахтин».

Отмеченные факторы упрощения идей бахтинского круга — до их редуцированной адаптации к структурным аспектам коммуникации, в известной степени характерны и для нынешнего состояния бахтиноведения в Бразилии. Все аспекты, детали и последствия «обратной перспективы» восприятия идей бахтинского круга за рубежом очень конкретно и выпукло представлены в публикации Ш.В. де Камарго Грилло и Е. Волковой Америко, вплоть до «кредитной истории» введения этих идей в общественную мысль Бразилии. В этой связи стоит отметить и двойной перевод работ отечественных мыслителей с их публикаций на итальянском, французском, английском языках, что привело к неизбежным абберациям, некоторым упрощениям, дополнительным коннотациям. И, в свете сказанного выше, — доминирующее структуралистское понимание бахтинских идей.

Тем не менее, круг публикуемых за рубежом работ отечественных мыслителей все расширяется, как расширяется и круг их идей, вводимых в актуальный философский дискурс в других странах. И в этой связи нельзя не испытывать чувство глубочайшей признательности к специалистам, берущим на себя колоссальный труд перевода, выступающим в роли «сталкеров» по весьма непростой, а иногда и неожиданной «Зоне» отечественной философии, особенно Новейше-

го времени. Поэтому расширение контактов, конструктивного диалога с такими специалистами представляется чрезвычайно важным и плодотворным.

Отечественная философия и гуманитаристика остро нуждаются в диалоге с зарубежными коллегами. Это может и должен быть диалог равных. Иначе волна иногда культивируемой закомплексованности, неполноценности перед современной зарубежной гуманитарной мыслью, способна смыть собственный культурный слой в сознании новых поколений, которым придется понимать актуальное значение собственного философского наследия в переводе, в том числе и с португальского.

Публикуемая ниже статья бразильских бахтиноведов написана специально для нашего журнала и рекомендована Юрием Павловичем Медведевым, членом редколлегии бразильского журнала «*Bakhtiniana*», специалистом по творчеству М. Бахтина и авторов его круга, переводчиком их работ.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ См.: *Тульчинский Г.Л.* М.М. Бахтин: проверка большим временем. XIV Международная Бахтинская конференция // Человек. Ru. Гуманитарный альманах. 2011. № 7; Антропологические тренды: от понимания к управлению. – Новосибирск, 2011. С. 255 – 268; *Тульчинский Г.Л.* Уроки рецепции бахтинского наследия // Философские науки. 2011. № 10. С. 129 – 144.